

Елена Уханова

(Москва)

**ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ВОСТОЧНО-ХРИСТИАНСКОГО
БОГОСЛУЖЕНИЯ IX — НАЧАЛА XV В.
В ДРЕВНЕРУССКИХ СПИСКАХ СТУДИЙСКОГО УСТАВА***

Как известно, одним из основных регуляторов византийского богослужения IX–XII вв. являлся Студийский Устав, который в середине XI в. был введен и в русское богослужение. Его текст в ранней греческой рукописной традиции не сохранился, что создает значительные трудности не только в реконструкции монастырских и богослужебных правил того времени, но и в изучении эволюции структуры и состава богослужебных книг, которые являются основной массой всего рукописного наследия. Однако он дошел в славянских переводах: на Руси студийская богослужебная практика сохранялась значительно дольше, чем в Византии. Именно поэтому существование древнерусских списков Студийского Устава является закономерным и очень важным фактом для изучения христианской литургики и гимнографии.

В русской рукописной традиции сохранилось 6 списков конца XI — XV в., один XVI в. и три фрагмента XIII в. Древнейший из них — так называемый Типографский (конец XI в.) — содержит только Канонарь (триодную часть)¹. Остальные списки — Син. 330² и Соф. 1136³ (XII в.), Тип. 144⁴ и Син. 333 (вторая половина XIV в.), Син. 905 (конец XV в.)⁵ — содержат как Канонарь, так и Синаксарь (месяцесловную часть). Син. 330 и Син. 905 имеют дополнительную дисциплинарную часть, что придает им особую значимость. В начале XX в. в Зографском монастыре на Афоне существовал фрагмент еще одной рукописи XIII в., содержавший дисциплинарную часть⁶. Сохранившиеся до нашего времени фрагменты XIII в. содержат тексты из Канонарной (Барс. 1153) и Синаксарной части (Хлуд. 116 д)⁷.

Из предисловия к дисциплинарной части следует, что этот Устав был введен Феодором Студитом в своем монастыре согласно неписанным правилам (подразумевается его Божественное происхождение) и записан Константинопольским патриархом Алексеем

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 96-01-00257)

для основанного им монастыря Успения Пресв. Богородицы (ок. 1034 г.)⁸. В связи с этим основные дискуссии в историографии развернулись вокруг единственной проблемы — насколько точно славянские списки передают студийскую практику, поскольку они содержат ее в версии патриарха Алексея. Иными словами, они передают “ктиторский типикон”. В русской историографии начала XX в. это определение приобрело специфическую окраску. В работах А. Дмитриевского и М. Лисицина под ктиторским стал подразумеваться устав, игнорирующий точную передачу общемонастырской богослужебной традиции и основывающийся только на прихоти ктитора, который смешивает разные уставные традиции по своему усмотрению⁹. Определение “ктиторский типикон” в подобной интерпретации приобретало некую ущербность. Естественно, что она вызвала возражения большей части литургистов того времени¹⁰.

Прежде всего, “ктитор” и “ктиторский монастырь” — явление довольно позднее в Византии. (Самые ранние из дошедших до нас ктиторских типиконов относятся ко второй половине XI в.) Оно определяется вполне конкретными социальными и экономическими условиями. Ктиторские монастыри основывались богатыми и знатными людьми как семейные с целью иметь собственных молитвенников за свою душу при жизни и после нее. Вложив в монастырь недвижимость и деньги, они владели им на основании ктиторского права. (С течением времени отношения между ктитором — его наследниками или новыми владельцами — и монастырем трансформировались, и в ряде случаев монастырь становился основным источником дохода для обедневшего ктитора.) Вследствие этого ктитор определял прежде всего ту часть устава, где оговариваются условия и права монастыря на владение землей и имуществом. Он также регламентировал дисциплинарную часть типикона, в которой употребляемая повсеместно общежительная традиция приспосабливается к условиям конкретного монастыря. Однако сам общежительный строй, и особенно богослужебную часть типика, освященные авторитетом Святых Отцов и традиции, ктитор не имел надобности изменять до тех пор, пока не появятся новые тенденции в монастырской и литургической практике¹¹. Именно этими тенденциями можно объяснить некоторые заимствования из современного ему Типикона Великой Церкви. Кроме того, из текста устава следует, что Алексей с юных лет до избрания его патриархом был монахом Студийского монастыря¹². По свидетельству Георгия Кедрина, он был его игуменом¹³. Поэтому вполне закономерным является его желание перенести студийские порядки, достоинства которых он

неоднократно подчеркивает в своем тексте Устава, в новый монастырь. В дополнение к этому мы полагаем, что надписание об авторстве Алексея имеет только дисциплинарная часть. В древнейших списках общее заглавие Устава утрачено. Оно сохранилось лишь в позднем списке Син. 905, который дословно передает ранний текст. Он имеет особый заголовок, который, несомненно, является первоначальным для Алексеевской версии:

“Божественаго исповѣнника преподобнаго ѡца Феодора,
 бывшаго игумена монастыря стоупнискаго,
 оуставъ оубо ѡ славословии въ Великіи Пѣсѣ.”¹⁴

Таким образом, Алексеевская версия, по мысли ее создателя, фиксировала именно Студийскую практику.

Между тем, существует гораздо более важная проблема, которая была также порождена русской историографией. Сложилась традиция, которая при всех видимых различиях славянских списков рассматривает их как один текст устава. Согласно Житию Феодосия Печерского и Повести временных лет, став игуменом Киево-Печерской Лавры и умножив число братьев, Феодосий в 50–60-х гг. XI в. стал разыскивать список Студийского устава как в Константинополе, так и в Киеве у греческих монахов¹⁵. Полученный им устав, которым оказалась Алексеевская редакция, стал тем образцом, который был принят во всех русских монастырях и просуществовал в некоторых из них до XVI–XVII вв. С нашей точки зрения, несмотря на ограниченную источниковую базу, можно внести в эту схему ряд корректив.

Рассмотрим 6 основных списков Студийского Устава. Часть из них имеет безусловную текстологическую близость. Здесь необходимо отметить, что степень подобия разных частей устава неодинакова. Дисциплинарная часть Син. 330 и Син. 905 практически идентична. Синаксарная во всех списках имеет различия, иногда существенные. Это неудивительно, поскольку изменения вносились прежде всего в нее в соответствии с нуждами монастыря или прихода. Более устойчивым, но вместе с тем очень показательным при выявлении различных редакций и переводов является текст Канонаря. Это единственная часть, содержащаяся во всех шести списках устава. Поэтому именно на нее мы будем ориентироваться в нашей работе.

При подготовке Студийского Устава к публикации мы провели тотальную сверку списков и можем констатировать, что два ранних списка XII в. — Син. 330 и Соф. 1136 — являются раз-

ными редакциями одного русского перевода текста патриарха Алексея. Ограничимся краткой характеристикой различий. На синтаксическом уровне они проявляются в вариативности употребления предлогов, союзов “а”/ “и” или их пропуске, частиц “бо”/”же” или их пропуске, в изменении порядка слов : “дневнаго свѣтаго”/”свѣтаго дневнаго” и т. д. Имеются лексические замены как отдельных слов “вѣса”/”прочла”, “люди / народи”, так и словосочетаний “Въскресеи и жизнь”/”Въскрьсь животъ”/, “Прѣдсталъ кси гробоу” / “Пришьдъ на гробъ”. Встречаются различия в словообразовании “прѣсвѣтѣа”/ “свѣтѣа”, “Начало”/”зачало”. Грамматическая правка незначительна: в ряде случаев встречается мена аккузатива и генетива “въ чѣтвѣртѣкъ”/ “чѣтвѣртѣка”, единственного и множественного числа “работы”/”работъ”, перфекта и аориста “Далъ кси”/ “Дастъ”¹⁶. Широко распространено усечение или дополнение инципитов упоминаемых богослужебных текстов. Существует небольшое число смысловых разночтений и вставок отдельных фраз: в указании о конце утрени в Великий Пост в Син. 330 говорится о 10-м часе, в Соф. 1136 — о 9-м¹⁷; в Соф. 1136 в 1-ю неделю Поста помещено указание о поклонах в недели Великого Поста, которое отсутствует в Син. 330¹⁸ и т. п. В результате анализа двух текстов мы пришли к выводу, что редакция перевода Син. 330 первична по отношению к редакции перевода Соф. 1136, которая возникла в результате редактирования и сверки первой с каким-то другим греческим источником. Дисциплинарная часть правке не подвергалась, как мы полагаем, потому, что отсутствовала в греческом оригинале. Первоначальный перевод греческой Алексеевской редакции Студийского Устава сохранился только в списке Син. 330, текст Софийской редакции перевода содержится в более поздних списках Син. 333, Син. 905 и фрагменте Барс. 1153. Поскольку Син. 905 содержит и дисциплинарную часть, то она зафиксирована в единственной редакции первоначального Синодального перевода. Его же отразил и Зографский фрагмент.

Особой версией Студийского Устава является один из поздних списков — Тип. 144. Однако период второй половины XIV — начала XV в. — время, когда написан Тип. 144, — был особым для Руси. Это время политического и экономического возрождения, которое нашло яркое отражение в книжной культуре и языковом сознании того времени. Сто лет назад оно было названо “вторым южно-славянским влиянием”, хотя сущность процессов заключалась в ином. В языковом сознании происходила замена принципа языковой замкнутости на принцип универсализма и осознание

всеславянского языкового единства, которое выражалось в том числе и в идее возврата к культурным истокам — первоначальным греческим и славянским оригиналам. В списках именно этого времени дошли многие ранние переводы и славянские тексты. Поэтому к списку Тип. 144, который содержит иной текст Студийского Устава, нежели Алексеевская редакция, необходимо отнестись с особым вниманием. Текст Тип. 144 в два с половиной раза короче. В данном случае отдельные синтаксические, лексические и грамматические варианты текстов не являются определяющими. Основной принцип различий можно сформулировать так: *существование разных языковых средств выражения при единстве смысла*. Так, например, на вечерне в субботу недели о Блудном сыне в Син. 330 читаем:

“И о блѣуднѣ • дроуѣ стѣра • самогла • в • гла • по єдинноу”¹⁹

В Тип. 144

“ина • гла • в • ”

Имеются значительные пропуски важных богослужебных указаний, составляющих иногда половину текста всей статьи. Однако их нельзя рассматривать как простое редакторское сокращение. Не говоря уже о немотивированности устранения массы значимых литургических регламентаций из текста, освященного авторитетом св. Феодора и многовековой богослужебной традицией, в Тип. 144 имеется некоторое число указаний, не содержащихся в Алексеевской редакции. В ряде случаев это добавление указаний на глас песнопения или место, где можно найти данное евангельское или апостольское чтение, указываются дополнительные прокимны и песнопения, расширяются инципиты, дается дополнительное указание о поклонах в недели Поста²⁰. Более того, имеются редкие случаи, когда указания Тип. 144 противоречат Син. 330. Так, например, если седмица о Блудном сыне совпадает с праздником святого, то в субботу на вечерне в Син. 330 триодный тропарь заменяется тропарем святого, а в Тип. 144 — поются оба тропаря²¹.

Таким образом, с нашей точки зрения, текст Тип. 144 не может быть сокращенной версией Алексеевской редакции. Скорее всего, это — другая версия самого Студийского Устава. Но какая? Тип. 144 имеет предисловие к Синаксарной части, в котором прямо говорится, что эти правила преп. Феодор получил не из письменных источников, но по дару (имеется в виду Божественному), записаны же они сейчас с тем, чтобы не исчезли в веках.

Устав этот — Студийского монастыря, а записать их велели писцу “молитвы” св. Феодора.

“Синаксарь иже есть оуставъ ... какоже си оуставленаа . къ оцѣ нашему и исповѣднику феодору въдано не писанимъ же но по въданню • по кождо схранено • написанна же нынѣ трудоуѣнѣ кождо съложномъ • да не ѿ лѣта потакно боудеть • и въ забѣвенна тмы глѣбокиа • испытанна нхъ презѣвниа • се оуставъ къ стѹдинскаго монастыра • млѣвы же и насъ на се повелѣвше • препѣтымъ нашимъ оцѣмъ • глѣмъ се .”²²

Таким образом, по словам автора текста, мы имеем запись самого Студийского Устава. Вряд ли она написана под влиянием непосредственных “молитв” Феодора. Однако она создана раньше, чем Алексеевская редакция, поскольку оба текста близки по смыслу и по структуре регламентаций, но Тип. 144, как мы показали, не был сокращением протографа Син. 330. Скорее наоборот, патр. Алексей составлял свой текст на основе уже записанного Студийского Устава, который состоял из Канонарной и Синаксарной части (в ряде случаев у него встречаются смысловые повторы одного и того же указания при их различном вербальном оформлении, что вызвано, с нашей точки зрения, соединением патриархом Алексеем разных источников)²³. Дисциплинарную же часть он написал сам на основе устной студийской традиции, о чем и говорится в его предисловии. Именно этим можно объяснить, что русский редактор Софийской версии не внес изменения в дисциплинарную часть, в лирические отступления и послесловие патриарха Алексея к Канонарной части, в текст песнопений, в ней помещенных, хотя инципиты он редактировал основательно. Всего этого не было в оригинале Студийского Устава, с которым он сверял текст Син. 330. Всего этого нет в Тип. 144. Более того, в значительном ряде случаев изменения и дополнения, которые вносились в Софийскую редакцию, совпадают с указаниями Тип. 144. Это может свидетельствовать о том, что установка при создании Софийской версии перевода была на приближение его к греческому оригиналу доалексеевской редакции, а версия Тип. 144 как раз отражает этот оригинал.

Таким образом, мы вправе предположить, что в русских списках мы имеем не дошедшие в греческих оригиналах тексты Студийского Устава доалексеевской и Алексеевской редакции, которая по сравнению с предыдущей не несет никаких существенных изменений традиции, а лишь разъясняет ее и дополняет записью студийских дисциплинарных правил, сохранявшихся устно.

Вопрос, когда краткий Студийский Устав в редакции Тип. 144 был переведен на Руси, остается открытым. Неизвестно, был он переведен при Феодосии Печерском или же во второй половине XIV в., времени возврата к первоначальным традициям и греческим протографам. Вторая версия возможна. Во-первых, редакция Тип. 144 обнаруживает знакомство ее автора с лексикой и послесловием славянского перевода Алексеевской редакции, поэтому не могла ей предшествовать. (Хотя это не исключает возможности существования более ранней версии перевода этого текста или существования другой краткой редакции Студийского Устава, бытовавшей в монастырях до распространения Алексеевской редакции.) Во-вторых, Софийская редакция перевода была составлена без привлечения русского текста Студийского Устава, а сверялась с его греческим оригиналом. Работа по созданию Софийской редакции предполагала, с нашей точки зрения, максимальное смысловое приближение русского перевода подробной и удобной Алексеевской редакции к греческому оригиналу краткой предыдущей версии Студийского Устава. Поэтому вряд ли возникла тогда необходимость дополнительного перевода самой краткой версии. Однако, как мы уже отметили, она могла бытовать на Руси до введения Алексеевской редакции в первой половине XI в., а в ряде случаев и позже.

Версию, предшествующую на Руси Алексеевской редакции, частично отражает древнейший Типографский устав (Тип. 142, конец XI — начало XII в.), структура текста которого менее понятна, чем тексты всех предыдущих редакций. Он состоит из нескольких пластов, отражающих разные по времени и характеру источники этого текста. Устав сочетает в себе краткую структуру текста для рядовых суббот и недель Великого Поста и Пятидесятницы, аналогии которой можно найти в Типиконе Великой Церкви, со значительными заимствованиями из русского перевода Канонаря и дисциплинарной части Алексеевской редакции для крупных триодных праздников — Поклонения кресту в 3-ю седмицу и среду 4-й седмицы, субботы св. Лазаря и Вербного Воскресения, дней Великой Седмицы и Пасхи, — к которым иногда добавлены качественно другие тексты, присущие только Типографскому уставу. В рядовые недели Поста празднуются памяти почитаемых в Великой Церкви святых. Синаксарная часть предшествует Канонарной, что также является особенностью Типикона Великой Церкви²⁴. Необходимо отметить, что Студийская практика сама по себе предполагает ряд заимствований из богослужебных обрядов Великой Церкви, однако в данном случае мы сталкиваемся с иным объемом заимствований как в качественном, так и в количественном отношении.

В связи с вышеизложенным мы предполагаем, что в основе текста Типографского списка лежит не Студийский Устав, а Устав Великой Церкви, который, видимо, был заимствован из богослужения южных славян и введен в русское богослужение до крещения или при крещении Руси князем Владимиром. В дальнейшем, при введении в первой половине или середине XI в. в русское богослужение монастырского Студийского Устава, была сделана попытка адаптировать первоначальный устав к изменившимся условиям путем текстовых дополнений. Возможно, они вносились не в один этап, поскольку степень их тождественности с Алексеевской редакцией различна: часть из них передает версию Син. 330 почти буквально, с небольшой синтаксической, лексической и грамматической вариативностью, часть же — лишь общий смысл богослужебных указаний. Возможно, некоторые из них были сделаны до перевода Алексеевской редакции и отражают начальный этап бытования Студийского Устава на Руси.

Таким образом, русские списки Студийского устава позволяют поставить и частично решить ряд вопросов, связанных с проблемой организации богослужения в Византийской и Русской Церкви IX — начала XV в. Мы можем предположить существование раннего слоя в древнейшем русском списке Устава, который соответствует первоначальной традиции русского богослужения X — первой половины XI в., базирующегося на Типиконе Великой Церкви. Мы можем констатировать существование двух редакций славянского перевода греческой Алексеевской редакции Студийского Устава XI–XII вв., который пришел на смену Уставу Великой Церкви и просуществовал как единственный регулятор богослужения Русской Церкви до XV в. Целью создания второй редакции перевода, как нам представляется, была установка на максимальное смысловое приближение русского перевода Алексеевской редакции к краткому греческому тексту Студийского Устава. Данные сравнительного текстологического анализа позволяют нам выявить в русских списках доалексеевскую краткую редакцию Студийского Устава, упоминание о которой встречается во многих греческих уставах, начиная с XI в.²⁵ Помимо этого, мы с достаточной уверенностью можем не только констатировать существование в русских списках не сохранившихся в греческой рукописной традиции важнейших литургических текстов Студийского Устава и его Алексеевской редакции, но и определить характер переработки патриархом Алексеем студийской богослужебной практики. Он не внес в нее никаких принципиальных изменений, а лишь разъяснил и дополнил ее записью студийских дисциплинарных порядков. Кроме того, наши наблюдения могут быть привлечены к решению такой важной проблемы, как так

называемое “второе южно-славянское влияние”. Данные русских уставов свидетельствуют о том, что под образцовой идеальной традицией, возродить которую стремились русские книжники во второй половине XIV в., подразумевалась традиция раннего русского богослужения XI в. и связанные с ней греческие тексты.

Исходя из текстологического анализа сохранившихся русских списков Студийского Устава, можно предположить следующую картину проникновения Студийского Устава в русское богослужение. Первоначально, в X — первой половине XI в. (до официального крещения Руси, когда христианство исповедовали иностранные наемные воины и киевская знать, а также некоторое время после этого) соборное богослужение могло вестись по Уставу Великой Церкви в ряде случаев с использованием греческих текстов. Монахи-отшельники первой половины XI в. не нуждались в развитом церковном богослужении и довольствовались монашескими келейными правилами; немногие же монастыри, основанные в то время, имели малочисленную братию и, скорее всего, были келиотскими²⁶, вследствие чего они также не нуждались в подробных дисциплинарных регламентациях и сильно развитом общественном богослужении. Они могли довольствоваться, например, правилами св. Василия Великого, лежащими в основе киновиального строя всего православного восточного монашества²⁷, или, быть может, краткой версией Студийского Устава, а также посещать соборное общественное богослужение вместе с мирянами. С появлением первого крупного общежительного монастыря — Киево-Печерской Лавры — возникает потребность в монашеском общежительном уставе. Феодосий Печерский несомненно знал о существовании доалексеевской версии богослужебного Студийского Устава и, скорее всего, имел ее. При всем противоречии свидетельств Жития Феодосия и Повести временных лет об обстоятельствах получения Феодосием Студийского Устава в них есть одна общая очень важная деталь: характеристика того, какой Устав хотел получить Феодосий. В Житии он кратко назван “весь”:

“посла ... къ ефремоу скопцю . да весь оуставъ стоудинскаго монастыря исписавъ присълет..., онъ же весь оуставъ монастырьскимъ исписавъ и посла къ влѣженому оцю нашему феодосию”²⁸.

В этом небольшом отрывке “весь” настойчиво повторяется дважды. Летопись отнюдь не противоречит, а наоборот, разъясняет это определение:

“и шербѣтъ оу него и списа • и оустави в манастири своемъ • како пѣти пѣнья манастирская • и поклонъ какъ держати • и чтенья почитати • и стоянье в цркви • и весь радъ црквын • трапезѣ сѣданье • и что гати в кыта дни все съ оуставенъ”²⁹.

Совершенно очевидно, что в обоих случаях подразумевается Устав с дисциплинарной частью, Алексеевский. Причем в первом случае он явно противопоставляется Студийскому Уставу без нее, краткому. Это подтверждает наше предположение о том, что доалексеевская версия не имела дисциплинарной части и что редакторская установка патриарха Алексея была на разъяснение и расширение краткой предыдущей версии. Именно в полном, во “всем”, Студийском Уставе нуждался основоположник русского общежительного монашества. Именно этим обстоятельством, а не незнанием греческих текстов или случайностью, можно объяснить введение и прочное закрепление в русском монастырском богослужении Алексеевской редакции Студийского Устава. На ранних этапах появлялись гибридные тексты (Типографский устав), в которых монашеские и богослужебные правила Алексеевской редакции пытались соединить с функционировавшим до этого Синаксарем и Канонарем Великой Церкви. Довольно быстро и повсеместно Студийский Устав в Алексеевской редакции стал единственным богослужебным регулятором в Русской Церкви и просуществовал в таком качестве до начала XV, а в некоторых монастырях — до XVI–XVII вв., пока не был заменен Иерусалимским Уставом³⁰.

Примечания

¹ Краткое описание и основная библиография: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. — М., 1984 (далее — СК). — С. 88–89. — № 50.

² СК XI–XIII вв. — С. 159–160. — № 138.

³ СК XI–XIII вв. — С. 135–136. — № 107.

⁴ Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР / Сост. Квязевская О.А., Коваль Н.С. и др. Ч.2. — М., 1988. — С. 315–317.

⁵ Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славяно-русских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отдел третий. Ч. 1. — М., 1869. — № 333. — С. 270–274 (№ 381), № 905 — С. 274–276 (№ 382).

⁶ Лисицын М. Первоначальный славяно-русский Типикон. — СПб., 1911. — С. 199.

⁷ СК XI–XIII вв. — С. 283. — № 317; С. 338. — № 419.

⁸ ГИМ, Сив. 330, л. 196 об.:

“Оуставьникъ ... оуставленъ оубо не по писанию въ монастыри студинстѣмъ •
 ꙗко ꙗкоже оубо нашии исповѣдникъ феоѡоръ • бывшми въ немъ
 нгоумьнъ • прѣданъ же писаникъ • Ѡ альѡна стго и вселеныа патрнарха •
 въ поставленѣмъ нмъ монастыри • въ нма еж^ѣтвыныа мѣре...”

См. также: Мансветов И. Церковный Устав (Типик). Его образование и судьба в греческой и русской перкви. — М., 1885. — С. 113–168.

⁹ Дмитриевский А.А. Рецензия на сочинение И.Мансветова “Церковный Устав (Типик)”. — М., 1885 // Христианское чтение. — 1888. — № 9–10. — С. 499–502; Дмитриевский А.А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. Т. 1: Топка. — Киев, 1895. — С. CVI–CX; Лисицын М. — С. 163–356.

¹⁰ Из непосредственных откликов в печати на книгу М.Лисицына можно назвать: Скабалланович М.Н. Рецензия на работу М.Лисицына “Первоначальный славяно-русский Типикон” // Извлечение из журналов Совета Киевской Духовной Академии за 1910–1911 учебный год. — Киев, 1911. — С. 441–442; Скабалланович М.Н. Несколько поправок к книге М.Лисицына “Первоначальный славяно-русский Типикон” (рецензия и результаты коллоквиума). — Киев, 1912; Виноградов В.П. Уставные чтения. Историко-гомилетическое исследование. Вып. 1. — Сергиев Посад, 1914. — С. 37–40; Карабинов И.А. Студийский Типик в связи с вопросом о реформе нашего богослужебного устава. — Пг., 1915; Карабинов И.А. Отзыв о труде М.Лисицына “Первоначальный славяно-русский Типикон”. — Пг., 1916. Помимо этого нам хочется отметить, по крайней мере, еще одну работу, которая, хотя и не является непосредственным откликом на книгу Лисицына, содержит важные наблюдения о характере ктиторских типиков, сделанные на материале греческих текстов XII в. Это статья Ф.И.Успенского “Типик монастыря св. Маманта в Константинополе”, помещенная в “Летописи историко-филологического общества при имп. Новороссийском Унивверситете”. Т. 2 (византийское отделение, 1). — Одесса, 1892. — С. 26–28.

¹¹ Подтверждением этому является ряд ктиторских типиков, в которых вообще отсутствует богослужебная часть. Как ни странно, А.Дмитриевский, отказывая Алексеевской редакции в достоверной передаче студийских порядков, очень четко описал суть некоторых ктиторских типиков, которую мы склонны видеть в большинстве списков: “В восточных книгохранилищах, правда, не мало встречается копий и оригиналов ктиторских уставов, но все они состоят из одной части, так называемого пролога, трактующего о времени основания того или иного монастыря, о ктиторах и благотворителях, об имущественных владениях, о внутреннем монастырском устройстве жизни в них и т. п. ... Что же касается изложения особенностей церковных служб и притом на целый год, то в большинстве этого рода памятников мы его не находим; все дело в них большею частию ограничивается кратким указанием руководствоваться в богослужебной практике или общепринятыми уставами — Студийским и Иерусалимским, или же Типиками каких-либо известных монастырей и храмов.” (А.Дмитриевский. Описание литургических рукописей... Т.1. — С. XXXIV).

¹² Сив. 330, л. 137 об.:

“... нъ моа оубо вола въ стоудинстѣмъ паче монастыри • съ прочо вратникъ
 погребеноу быти • идеже и мирьскыа Ѡ младъ но:тътъ построихъ власы • и
 прѣбыхъ до възведенна на высокын прѣстоль • съ ненследнымъ соудьмъ
 ежнимъ ...”.

¹⁸ PG. Т. 122. — Col. 212. См.: Мансветов И. — С. 115–117.

¹⁴ ГИМ, Сив. 905 — Л. 1. Текст, следующий в рукописи за этим, в Сив. 330 помещен на л. 66 в качестве перехода от Канонаря к Синаксарю. Поскольку в Сив. 905 они поменялись местами, послесловие Канонаря оказалось в начале. К нему и было добавлено общее заглавие.

¹⁵ Житие Феодосия Печерского // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. — М., 1879. — Л. 12.; ПСРЛ. Т. I: Лаврентьевская летопись — СПб., 1846. — С. 69.

¹⁶ Сив. 330. — Л. 10, 10 об., 18 об., 19, 20, 20 об.

¹⁷ Сив. 330. — Л. 9 об.; Соф. 1136. — Л. 21 об.

¹⁸ Соф. 1136. — Л. 4.

¹⁹ Сив. 330. — Л. 1; Тип. 144. — Л. 2 об.

²⁰ Тип. 144. — Л. 2, 2 об., 3, 7 об.

²¹ Сив. 330. — Л. 1; Тип. 144. — Л. 2.

²² Тип. 144. — Л. 27.

²³ Например, на л. 7 об. — 8 в разной форме дважды указывается на чтение на утрени в неделю Сыропустную слово св. Василия Великого “*Въстроуѣнте рѣ*”. Или на л. 16 — 16 об. для утрени среды 4-й недели Поста дважды в разной форме указывается на исполнение трипеснца раньше канона дневному святому.

²⁴ В рукописи утеряны первые 7 тетрадей (56 листов); уставные регламентации начинаются с Канонаря, а Синаксарь отсутствует. В следующем разделе рукописи — Кондакаре, который сохранился полностью и должен соответствовать помещенному перед ним уставу, — синаксарные песнопения предшествуют триодным.

²⁵ См.: Дмитриевский А.А. Описание литургических рукописей... Т.1. — С. CVI–CX. Возможно, она была не единственной.

²⁶ Необщежительные монастыри (*монастырии ѿборьмови*) — монастыри, в которых монахи жили в отдельных кельях, имели собственное имущество и сходились вместе только для богослужения. Для раннего периода русской церковной истории материалов не сохранилось, данные же более позднего времени, XV–XVI вв., позволяют говорить о значительном числе подобных монастырей. (Христианство. Энциклопедический словарь. Т. 2. — М., 1995. — С. 161).

²⁷ Их бытование отражено в одном из самых ранних старославянских кириллических фрагментов — Зографских листках XI в.

²⁸ Житие Феодосия Печерского. — Л. 12–12 об.

²⁹ ПСРЛ. Т. I. — С. 69.

³⁰ Несколько месяцев назад в Риме в печати вышла работа, также посвященная классификации рукописей Студийского Устава: А.Пентковский “Древнерусская версия Типикона патриарха Алексея Студита: ГИМ. Сив. 330”. Взгляды этого автора крайне далеки, если не сказать, противоположны нашим изысканиям, поэтому мы не апеллировали к его работе, и первоначально в наши планы не входило давать ей какую-либо оценку. Однако в связи с недоразумениями, возникшими при обсуждении на конференции нашего доклада, нам придется кратко сформулировать их различия. Мы будем касаться лишь текстологических изысканий, которым посвящена наша работа. У названного автора они занимают чуть больше трех страниц (С. 30–33). Прежде всего, при классификации списков мы придерживаемся других методологических принципов. Мы считаем, что единственным текстом, на основе которого можно делать заключения о редакциях текста Студийского Устава или его перевода, является Канонарь. Дисциплинарная часть патриарха Алексея редактированию на Руси не подвергалась, поскольку не существовало ее греческих вариантов; Синаксарь же, напротив, почти каждым переписчиком мог быть изменен. Вследствие этого, две эти части не могут быть подвергнуты первоначальной классификации. А.Пентковский свои немногочисленные обоснования при определении той или иной редакции строит в основном на материале Синаксаря. Разница в конкретной схеме

взаимоотношения списков еще более наглядна. Если мы в рамках студийской традиции выделяем три принципиально разных (в вербальном отношении) версии, одна из которых имеет две редакции русского перевода, то А.Пентковский придерживается мнения, что имеющиеся списки относятся к единственной Алексеевской версии, которая им подразделяется на пять редакций. К 1-й редакции он относит Син. 330 и Соф. 1136, которые, с нашей точки зрения, являются разными редакциями перевода, поскольку последняя рукопись имеет целенаправленную правку, 2-я редакция содержится в Типографском Уставе и “представляет собой сокращение триодной части” Алексеевской редакции, “однако в нем встречаются рубрики, восходящие к... Типикону Великой Церкви”. С нашей точки зрения, этот Устав является отличным от Алексеевской редакции. В нем, скорее, значительные по объему заимствования из Алексеевской редакции (и, возможно, не только из нее) наложены на первоначальную основу Типикона Великой Церкви, которая проявляется в том числе и в структуре указаний рядовых недель Поста. 3-я редакция у А.Пентковского представлена Син. 905 и Кир.-Бел. 275/532. Рассуждать о последней рукописи мы не беремся, поскольку она содержит в основном Синаксарь. Выделение же автором Син. 905 в отдельную редакцию происходит на основании “орфографических особенностей”, механической перестановки Синаксаря и Канонаря, существования одной дополнительной синаксарной памяти и нескольких случаев более точной передачи текста Син. 330. Первые три обоснования, с нашей точки зрения, не могут считаться аргументами вообще, четвертое — вытекает всего лишь из более исправного оригинала Син. 905, или описок писца Син. 330. Выделение 4-й редакции — Син. 333 и Хлуд. 16 д — происходит на основании отдельных синаксарных особенностей, что нами не может быть признано достаточным (при этом здесь, как и в предыдущем случае, не учитываются действительно значительные разночтения в тексте Канонаря по сравнению с Син. 330). В пятую редакцию выделяется Тип. 144, которая, по мнению автора, “содержит значительно сокращенный текст... САУ (Алексеевской редакции. — ЕУ.), восходящий, возможно, к тексту первой редакции, но здесь имеется особое заглавие месяцесловной части, отсутствующее в ГИМ, Син. 330”. Других аргументов у автора нет. Анализу Тип. 144 мы уделили достаточно много внимания выше и считаем его доалексеевской редакцией Студийского Устава. Вот вкратце отличия нашей концепции от концепции А.Пентковского. В силу этого другие наши построения и гипотезы также отличаются от построений и гипотез А.Пентковского. Однако сопоставлять их здесь мы не считаем необходимым.

Summary

Comparative textual and structural analysis of the main 11–15th-century Russian versions of the Greek Studios Typikon preserved by now makes it possible to mark the principal stages of the liturgical evolution. The earliest Russian Ustavs (Tipografsky) reflect liturgical practice of the Great church whilst the later manuscripts show the influence of two prototypes those of (probably) original Studios Typicon and of the so called ktitor typikon compiled by the Constantinople patriarch Alexis (XI cent.).